

Алесь БАДАК

ВОЙДЕШЬ ОДНАЖДЫ В ЛИСТОПАД...

СНЫ

Такие сны, что хочется остаться
И жить в них без печали и тоски.
И всех любить, нисколько не бояться,
Свободным быть, как ветер у реки.

Такие сны, что вот еще немного —
И я сойду в них телом и душой,
Закрыв глаза пред дальнею дорогой,
Как двери затворяют за собой.

БОЛЬ

Как жить,
Когда душа болит
Твоей души невычерпанной болью.
Я с этой болью неразрывно слит —
Она навеки связана с тобою.

Я помню эту боль и узнаю
В тех горестях, что ты переживала.
Не первый раз над бездною стою,
Но никогда душа так не рыдала.

Вся боль — моя, чтобы, ступив за край
Земного бытия, судьбы жестокой,
Тебе не плакать по дороге в рай
О том, что здесь покинула до срока.

И памятью в квартирной тишине
Сквозь эту боль я буду возвращаться

В те дни, словно приснившиеся мне,
Где белый свет без черных декораций.

И буду жить, минувшее любя,
Каким-то ощущением небывалым:
Нет ничего на свете без тебя,
И ничего после тебя не стало.

Я вымолил у Бога эту боль —
Душа просила горестно и слезно.
Об остальном, что связано с тобой,
Молить Его уж было слишком поздно.

ГОЛОС

Памяти Владимира Мулявина

Голод
На сцене эстрадной
По голосу.
Был он любим
И деревней, и городом.
Шли на него Беларусь и Россия,
Словно на сцену явился мессия.
Слушали истово, словно бы проповедь,
Вместе с Америкой, вместе с Европою.
Лилось, как молитва, в сердца утомленные:
«А ў полі вярба нахіленая...»
Голосом новым сменяется голос.
Пушай на эстраде везде теперь голо
От юбок коротких, от сплетен привычных —
Вспомним и это потом ностальгично.
Но голо еще и без этого голоса,
Как без василька придорожному колосу.
И не раритет уже дома — реликвия
Мулявинский голос с пластинки и лик его.
И диск заедает, звучит неустанно:
«Ой рана, ой рана, ой рана...»

ВСЕСЛАВ ЧАРОДЕЙ

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ
рыскаше: изъ Києва дорискаше до куръ Тматороканя, великому Хрѣсови влъкомъ
путь прерыскаше.

Тому въ Полотскѣ позвониша заутреннюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а
онъ въ Києвѣ звонъ слыша.

Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше.

Слово о полку Игореве

Всеслав Чародей
Год уже целый в полоне томится.

Век — как и все: если враг — родня,
Значит, он самый безжалостный враг.
Слышит из Киева
Полоцкий князь
Верных своих о себе разговоры.

Трое дружинников княжеских мед
Пьют и о князе своем вспоминают.
День ли, неделю, иль месяц, иль год —
Сколько сидят уже — сами не знают.

Младший из них говорит:
— Почему
Соколом князь обернуться не может?
Что, как не сильные крылья, ему
Поруб покинуть быстрее поможет?

И отвечает дружинник другой:
— Соколом мог бы наш князь обернуться,
Только сыны с ним в полоне —
Домой
Он без сынов не захочет вернуться.

Скажет седой им дружинник:
— Всему
Время и место под небом высоким.
Лучше он мертвым покинет тюрьму,
Только покинет как князь, а не сокол.

Все это слышит Всеслав Чародей —
В нем словно новые силы открылись.
Реже уже кровоточит, слабей
Там, где хотели прорезаться крылья.

ПОЭЗИЯ

Поэзия сходит с высоких вершин,
Где солнцем пронизано слово.
И тихо уходит она из души,
Не слыша ответного зова.

Конечно, на ней не кончается свет,
Вершины не скроются в бездне.
И умный промолвит:
— Такой теперь век.
А мудрый:
— Ничто не исчезнет.

И умный в ответ:
— У эпохи любой

Кумиры свои на примете.
А мудрый:
— Трава вырастает травой
В любые года и столетья.

Подхватят беседу двоих интернет,
Телевизионные шоу.
Проблему поэзии сводят на нет
И топят в вопросах грошовых.

Да трудно и вспомнить порой о душе
Во время крутой мизансцены.
Поэзии меньше на свете уже —
И гаснет душа постепенно.

КРАЙ СВЕТА

1

На станции с названием «Хоть куда»
Я очутился на исходе лета.
— Куда, — кассирша глянула, — билет вам?
А мне — лишь не ждала бы там беда.
И я махнул рукою:
— На край света!

— Спешите, — я услышал, — через миг
Уж отойдет ваш поезд от перрона.
Я взял билет и поспешил к вагону.
Ударил в спину мне сорочий крик,
Как будто ветер
Ринулся со склона.

2

На север мчался поезд и на юг.
На запад он и на восток катился.
Я пустоте вагонной удивился:
Как будто люди вымерли вокруг
Или никто на свет не появился.

С улыбкою спокойною сказал
Я проводнице вежливой про это.
Она в ответ мне:
— Кто же на край света
Когда-нибудь взаправду путь искал?
Ну разве лишь печальные поэты.

3

И вот сошел в купе небесный свет.
Вдруг проводница, погрузнев, сказала:
— Читал мне здесь стихи свои Купала.
— О бог ты мой, когда?
Она в ответ:

— Да в сорок первом.
Лет прошло немало.

Здесь был Рембо, когда свой Шарлевиль,
Возненавидев мать свою, покинул.
Здесь и Петрарка был — хотел причину
Найти он ненависти и любви,
А что нашел — забытую долину.

Я слушал проводницу и глядел,
Как лик ее менялся беспричинно.
Старуха, молодца и дивчина
В ней жили,
Как живет в речной воде
Небесный свет печальный триедино.

4

Я, ложкою помешивая чай,
И слушал, и не слушал проводницу.
И вдруг вопрос:
— А вы зачем столицу
Решили поменять на дальний край,
Куда не каждый станет торопиться?

— Мне все постыло.
Может быть, когда
Я этот мир увижу издалека,
Возможно, с краю
Или даже сбоку,
Его понять сумею я тогда,
И станет ясной мне моя дорога.

5

Сказала проводница:
— Боже мой!
Как вашу станцию за разговором
Еще не пропустили мы!
И скоро
Стоял я на тропинке полевой
Где всей Отчизны веяло простором.
— А где же он, обещанный мне край,
Край света? — я кричал вослед вагонам.
И птичий грай поднялся над перроном.
Я сквозь него услышал:
— Вот ваш край!
А может, «рай» кричали из вагона?
О край родной, любовь и боль моя!
Я без него
На свете заблудился.
Вернулся — словно заново родился,
И вспомнил, как давно здесь не был я,
И позабыл, куда так торопился.

Анатолий МАТВИЕНКО

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ БЕССМЕРТИЕ

Роман¹

Только гении способны изменить мир к лучшему. Яков Наркевич-Иодко из Минской губернии подарил человечеству радиосвязь, электродиагностику и электротерапию, сделал множество уникальных открытий, но не подал ни одной патентной заявки. Его опыты повторили Тесла и Эдисон, позже — Маркони и Попов. В каждом мобильном телефоне, энцефалографе, кардиостимуляторе и миллиардах других аппаратов воплощены идеи Наркевича-Иодко, а сам он исчез в пропасти меж двух культур — российской и западной, оставив множество загадок... Кто вы, пан Яков?

Российская империя, Варшава, 1908 год.

Дверной колокольчик неожиданно звякнул. Представительный мужчина, закрывшийся в квартире, вздрогнул. Он не ожидал посетителей. Тревогу подогрела заметка в газете «Столичная молва»: «Ночью 13 сентября на станции Безданы Санкт-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги произведено вооруженное нападение на почтовый поѣздъ. Брошена бомба въ вагонъ воинской охраны, слѣдовавшій за почтовымъ. Убиты жандармъ и четыре конвойныхъ солдата. Пользуясь темнотой, преступники скрылись».

Мужчина кинулся к окну и осторожно выглянул на улицу, едва тронув пальцами занавеску. Если внизу черная карета, сопровождаемая конными жандармами — дело плохо. Придется бежать через черный ход на крышу и в соседний подъезд, пока ломают дверь...

Но утренняя Маршалковская была пустынна. Нащупав в кармане сюртука рукоять браунинга, человек открыл дверь и понял: опасения напрасны. На пороге стоял хорошо знакомый господин с большим саквояжем в руках. Это был председатель Польской партии социалистичной Юзеф Пилсудский.

— Здравствуй, Йовиш!

— Поздравляю, друже! — бросился ему навстречу коллега-социалист. Длинной бородой, высоким лбом и горящими глазами он напоминал Энгельса,

¹ Журнальный вариант. Начало.

с которым был знаком накоротке и состоял в переписке. Обнял своего вождя, затем помог снять ему пальто, потяжелевшее от сырости.

— Полно тебе хлопотать, Йовиш! Лучше скажи, что нового в Варшаве.

— Никаких перемен. После жандармских зверств прошлых лет, ты же знаешь...

— Но теперь у нас есть взятое в поезде! — волевой рот Пилсудского тронула недобрая улыбка. — С божьей помощью русские деньги еще на шаг приблизили нас к тому дню, когда Польша освободится от русской оккупации.

Лидер партии прошел в комнату. Скромность ее обстановки выдавала, что здесь не жилье, а лишь временное пристанище людей, нигде на территории империи не чувствовавших себя в безопасности и готовых немедленно бежать, если того потребуют обстоятельства. Он отодвинул стул от стола, неловко уселся. Названный Йовишем заметил странные движения Пилсудского, всегда очень точного в жестах, уверенного в себе.

— Что с тобой, Юзеф?

— Голова кружится, вижу плохо. Наверное, после взрыва в вагоне. Слушай, ты вроде учился на врача?

Бородач уселся напротив, беспокойно рассматривая лицо старшего товарища.

— Какой я лекарь... Окулистом был мой отец, Витольд Наркевич-Иодко. Умер, царство ему небесное. Зрение по его части, а с контузией и он бы тебе не помог. Вот его кузен, мой двоюродный дядюшка Яков Наркевич-Иодко... Может, слышал? Твой отец Юзеф Винцент с ним был знаком. Тот действительно знаменит — ставил электрические опыты. Говаривали, что мог гальваническим током врачевать любые хвори, жизнь продлевать до ста лет...

В темных глазах Пилсудского мелькнул интерес, смешанный с недоверием.

— Врут или преувеличивают. А твой отец дружен был с Яковом?

— Напротив. Дядя чурался нас. Заявлял, что очередное восстание не даст Польше свободы, а повлечет новую кровь. В Минской губернии наши маентки рядом стояли, а семьи почти не общались. Мама лечилась у него в Наднемане, Яков брал с нее, как со всех приезжих, — рубль двадцать копеек в день. Многих бесплатно врачевал, нас — нет.

Йовиш, на самом деле именуемый Витольдом Наркевичем-Иодко, достал пачку папирос и закурил, угостив Пилсудского. Тот, затянувшись, спросил:

— И как, вылечил?

— Да. Скажу тебе, потрясающе помог. Отец возил ее и к губернским врачам, и к столичным светилам. Все разводили руками: с таким живут год-два. Матушка рассказывала: Яков отвел ее в подвал, опутал тонкими веревками. Как я думаю, гальваническими проводниками. Потом загудело, застреляло, искры посыпались, чем-то резким запахло. Она сознание потеряла. Очнулась — дядюшка ее кумысом угостил, им же отпаивал три дня.

— Неужто помогло?

— Представь себе. Выздоровела! И прожила еще долго. В том году схоронили, упокой Господь ее душу.

— Пся крев! — выругался Пилсудский вразнобой с набожными словами Витольда. — Вот это могущество, не жалкие двести тысяч! Получив возможность справляться с болезнями и жизнь продлевать, любой в состоянии править монархами и президентами. Где твой Яков?

— В девятьсот пятом представился.

Елена КРИКЛИВЕЦ

ПОЛПУТИ ДО ЗИМЫ НАМ ОТМЕРЯТ ВОТ-ВОТ ПОКРОВА

* * *

Посмотри, как дрожит этот лист на березовой ветке.
Полпути до зимы нам отмерят вот-вот Покрова.
Прорастает тоска, словно детство из песен советских,
и сбиваются в стаи бескрылые прежде слова.

Улетают к теплу облака, журавли, паутина —
неизбежный исход накануне больших холодов.
Пусть для всех моисеев найдется своя палестина.
Нам достанет юдоли и вне Гефсиманских садов.

Журавлиное эхо в озябшие заводы канет...
Проплывут над рекой непрожитых столетий клубы
там, где Пушкинский мост обреченно бряцает замками
и рискует прогнуться под тяжестью чьей-то судьбы.

Посмотри: этот город из ветра и времени соткан.
Нам подсыпала осень в карманы звенящих деньжат.
Обнаженная ветка скребется в закрытые окна.
Я держу тебя за руку крепче, чем можно держать.

* * *

«Туру, туру, пастушок,
калиновый подожок,
отколь тебя Бог несет?
— От моря до моря.
— От какого города?»

Память живет в шифоньере на полке
между дедовым кителем и букетиком пижмы.

Кажется: получше пошарь — и наполнишься
временем, из которого тебе не напишут.

«Там моя родина.
На родине дуб стоит,
на дубу сова сидит.
Сова-то мне теща,
воробушек братец...»

Счастье качается панцирной сеткой,
обнимает периной и одеялом стеганым.
Чуешь: запах оладий своих ли, соседкиных
крадется по кухне, как хрусткий мороз по стеклам.

«Дождик, дождик, перестань,
я поеду в Аристань
Богу молиться,
Христу поклониться...»

Чудо случается с первой метелью.
Не дыша, разглядываешь снежинку на варежке,
веришь: земля крахмалит рубаху нательную —
ишь, за ночь насыпало — вари не наварисься.

Детство стекает по ложечке чайной,
засахаренное, словно в банке опадыши.
Смотришь, а это не дым над трубой качается —
это возносятся души песен прабабушкиных.

«Я у Бога сирота,
запирала ворота
ключиком, замочком,
шелковым платочком...»

* * *

Дедушкин глобус честно отжил свое:
выцвели надписи, корпус давно расклеен.
Шустрый мальчонка носик везде сует:
— Мама, он вертится?
— Солнышко, он болеет.

Слезы ручьем: не верится раз, другой —
брошена в сторону книжка про Мойдодыра.
Стоит чуть-чуть основу качнуть рукой —
и распадаются две половины мира.

— Мама, ты где? На ручки! Хочу! Хочу!
Лучшее место на этой кривой планете —

слезы сушить, прижавшись щекой к плечу,
и одеваться в пижамку с большим медведем.

Туча парит на рваном седом крыле,
в яркой коробочке плюшевый заяц дремлет.
Мама берет из ящика суперклея,
мама пытается склеить больную землю.

ВЫБОР

Осенний день бессолнечен и сыр.
Всего-то надо хлебушек и сыр —
и вот уже готовы бутерброды.
Нам только снятся праздность и покой:
дробившей уголь дедовой киркой,
отстаивая право на свободу,
ломает стену пьяный идиот.
Но все пройдет, и прошлое пройдет,
и мир спустя останутся нетленны
дремучий фикус в мамином кашпо,
нелепый свитер, виснувший мешком,
собачий нос, уткнувшийся в колени.
Бурлит в душе у чайника вода.
И чайник, не свистевший никогда,
вдруг засвистит несдержанным укором.
Шипи и плюйся, ярься и кори,
раз кипятком наполнен изнутри...
Я открываю кремовые шторы
в рассвет, где все тщета и круговерть,
где смертью не поправить иную смерть,
пока никто не умер на Голгофе,
где ветви и слова заострены,
где дети выбирают путь страны,
а я не знаю, с чаем или с кофе.

* * *

Полмира в агонии и в бреду,
стервятники сбились в стаю,
а бабы на рынок несут беду —
снуют, продают, меняют.

Она различает уже с трудом
шинели, косынки, лица...
—Хозяин-то с фронта пришел в одном,
да, может, кому сгодится...

Оставит ли серп за собой стерню,
направит ли память дуло —

а тетки несут на руках страну
в пакетах, тюках, баулах.

— Вставай на картонку! Размер? Найду!
Ну, прям на тебя пошили!
Ступая по времени, как по льду,
любили, рожали, жили.

На сердце у каждой — пестрят следы
зарубок, насечек, трещин.
По серым барханам своей судьбы
плывут караваны женщин.

ГОРОДА

Ножик вонзается в землю. Идет война.
Город в осаде от клена до самой клумбы.
Старший кривляется:
— Вот тебе, мелкий! На!
Мальчик не плачет. Мальчик кусает губы.

Ножик вонзается в землю. Идет война.
Город в осаде. Но высшая сила — с нами!
Красное зарево в черном зрачке коня.
Мальчик не плачет. Мальчик глядит на пламя.

Ножик вонзается в землю. Идет война.
— Крупный осколок. Не сдюжить до медсанбата.
— Ты обязательно... Польша уже видна...
Мальчик не плачет. Мальчик хоронит брата.

Ножик вгрызается в магму чужой земли.
Здесь равнодушны и камни, и взор Аллаха.
Бремя познания — в желтых глазах змеи.
Мальчик не плачет. Мальчик не может плакать.

Солнце повисло на клене — пора домой.
— Горло простудишь! Где тебя носят черти?
Каша холодная... Руки иди помой!
Ложкой на блюде мальчик границы чертит.

Ножик вонзается в землю...

* * *

Пересохшие губы раскрыли колодцы.
Не сыскать уголька в прошлогодней золе.
Но весна по привычке сюда доберется,
улучив свое время на этой земле.

Людмила РУБЛЕВСКАЯ

БАШНЯ ГРИФОНОВ

Отрывок из романа «Подземелья Ромула»

Двор был узкий и гулкий, словно колодец. В лучах низкого солнца, которое, казалось, лежало просто на высокой крыше одного из домов, стены, крашенные в цвет кипяченого молока, светились сами по себе, а окна чернели, как колодцы... На этом фоне кирпичная башня, темная, мощная, мрачная, высотой в три этажа, выглядела как древний дракон, что окаменел в ожидании убийцы в блестящих латах.

А еще башня напоминала трубу и, скорее всего, ею и была, и страшно представить, какая под ней могла зиять печка. Сходство с трубой подчеркивали два железных обруча, которые охватывали великанскую талию. Во дворе, как вода в колодце, стояла тишина, разбавляемая таинственным шелестом — на чердаках домов, да и в самой, по-видимому, башне селились голуби, и время от времени вниз, как будто прямо с неба, слетали перышки. Достаточно, чтобы проникнуться мистическим трепетом... Но комсомольцы, конечно, не могли поддаться готической мистике.

— Вот она, башня грифонов! — тихо проговорил Алесь. — Товарищ Павел не обманул... Как только услышал, что нам на седьмую линию Васильевского острова, дом шестнадцать, сразу обрадовался. Вот шанс увидеть уникальный памятник старого Санкт-Петербурга!

— И что здесь уникального? — пробурчал Федор Пьянков, вконец замученный дорогой, так что его островатый нос, похожий на стрелку компаса, показывал все больше не вперед, а на питерскую, а сейчас уже ленинградскую, мостовую. — Просто большая кирпичная труба.

— Товарищ Павел рассказывал, что башню построил в восемнадцатом веке аптекарь Вильгельм Пель. Знаменитый фармацевт... Он, между прочим, продавал императорскому двору специальное лекарство «Спермин-Пель», от старения и немощи... Делал он этот спермин... — Алесь виновато взглянул на Веронику, за плечом которой засияла догадливой ухмылкой физиономия Автуха, — не скажу из чего. Но «поставщиками сырья» были молодые кабанчики и... кашалоты. А сын Вильгельма изобрел медицинскую ампулу. К нему в гости приходил Менделеев. В этом же доме была аптека и лаборатория. Старший Пель увлекался алхимией, а в этой башне разводил грифонов.

Евгений ГУЧОК

СОЛНЦЕ — МОЯ ИКОНА...

* * *

О боже мой, какой же я поэт?!
Мне эту прелесть не схватить строкою...
Какая ночь! Какой волшебный свет!
Все так вот и стоял бы под луною.

* * *

В октябре в погожий полдень
Только ветер налетит —
Пожелтевшая береза
Ульем майским прошумит.

* * *

Солнце — моя икона,
Солнце — не запылится,
Солнцу — моей иконе —
Буду весь век молиться.

* * *

Ее играющее тело —
Как будто солнце на воде,
Как будто ветер тот несмелый,
Что камыши едва задел;

Ее играющее тело —
Как те цветы окрай реки,
Что ждут немного оробело
Прикосновения руки.

* * *

Я счастлив, что рос несатым,
Был небу открыт, как трава,
В награду за то и сегодня
От этих бездонных высей
Кружится моя голова.

* * *

Земля — не есть жилище,
Она — исток пути;
Здесь люди тайну ищут,
Что б небо обрести.

* * *

Я не отдам свою духовность
И не приму ничью греховность,
В себе готовность сберегу —
Жить на свободном берегу.

БОГ

... Бог — не абстракция, не отвличенность;
Это — и пчел средь лугов увлеченность,
Это — и облако в синей реке,
Это — и тот огонек вдалеке,
Это — и звезды в ночной вышине,
Это — и совесть живая во мне...

* * *

Стоит на земле еще церковь,
В которой крестили меня;
Храни же, Господь, исковерканного,
Больного храни меня.

Анатолий МЕЛЬНИКОВ

ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ

Миниатюры

ЗИМНИЙ АИСТ

— Плохо? — спросил молодой доктор у заведующего.

— Увы. Возраст, ранение. Мы все делали правильно, но сил у него не осталось. Такой век пройти...

Обход закончился.

Старик прозрачными глазами смотрел в окно, в небо, в прошлую жизнь.

Дети и внуки были далеко. Он никого не ждал.

Вдруг двери палаты громко раскрылись — и, огибая пустые кровати, румяный, словно морозный ветер, в белом комбинезоне, в заснеженных красных ботинках, распахнув широко ручки-крылья, в палату ворвался ребенок.

Недвижимый, как заледенелый вяз, старик вошедших не узнавал. Шевельнулся он минуты, может, через две. Ощувив это, маленький племянник сложил крылья, скользнул на колени, ткнулся личиком в исковерканные временем, войной, работой дрожащие ладони.

Старик сидел по-прежнему прямо. Только из небесных глаз его весенней капелью сыпались слезы.

— Ну, теперь я буду жить, — сказал старик.

И жил, пока умеющий летать внучатый племянник не закончил школу.

ДВОЕ

Прошло всего несколько минут с тех пор, как вошли мужчина и женщина, и я понял, что непременно о них напишу.

В янтарном зале санатория их столик оказался шагах в пяти-шести, в углу. На лице женщины зрелых лет почти невозможно увидеть такого выражения — девичьего внимания к словам собеседника. Непосредственного, искреннего, просветленного то улыбкой, то любопытством, то мгновенной серьезностью. Оно относилось к соседям по столу, что-то говорившим, что-то спрашивающим, что-то отвечающим.

Отношение женщины к мужу было еще более загадочным. Так угощать, подавая хлеб, мимолетно касаться плеча, застывать, слушая, прильнуть на

миг — и все это за какие-то мгновения могла бы влюбленная девушка. Возраст у обоих предпенсионный. Седины у мужчины почти нет, а чернущие волосы женщины, скорее всего, уже получают химпомощь.

Внимание к себе он принимал абсолютно естественно и как должное. Плотный, ростом выше среднего, с властным взглядом водянистых глаз, стабильно и прочно стоящий в жизни. Не бизнесмен. Директор, крупный чиновник. Именно у них можно наблюдать такое восприятие преклонения перед собственной персоной. Впрочем, ничего уничижительного в его поведении не было. Даже на прогулке я видел их идущими рука об руку, так держатся за ручки мальчик и девочка. При этом, опять же, взгляд его был спокоен, естественен. Но женщина всегда, во все мгновения случайных встреч оставалась внешне наивной девочкой, невинно и с любопытством взирающей на собеседника. Если в санаторных коридорах случалось увидеть ее ожидающей своей очереди на прием, то и здесь останавливала взгляд милая погруженность в себя. Будто человек слушает романтическую музыку или эта музыка звучит в нем сама — непрерывно и властно, удерживая в себе волшебной силой мелодии.

Я не успел познакомиться с ними. Как, впрочем, и с кем-нибудь другим. Теперь кажется, что она могла быть музыкантом, настолько виртуозным выглядело пользование столовыми приборами, но это всего лишь предположение. Главное, что зазвучало некоей глубокой нотой, так это попытка представить, как эти двое живут вместе. Сколь редок такой стиль отношений у немолодых пар — мирный, с пониманием, с уважением...

Несть числа случай безжалостной жесткости с обеих сторон. Круг общения может быть крайне узок, но круг знакомых по прошлым занятиям и работам огромен у всех, а ничего похожего, за исключением одного-двух случаев, так и не вспомнилось. Почему люди не кормят друг друга, а едят? Почему вместо диалогов — сабельные монологи, унижения, оскорбления?

Опять и опять эти мысли наваливались от встречи со странной парой. А потом, глубокой ночью, подумалось, что о таком необходимо хоть что-то написать, и мучительность вопросов несколько утихла, но вместо десятка ответов простой и вразумительной ясностью замаячил снова вопрос: что, собственно, писать? Известно ведь, что это — жизнь, что все хотят мира, а любят войну с ее вседозволенностью и роскошью мгновенных побед.

ЧЕРНАЯ ПРОСТЫНЬ

— Что ты взъелась? — удивлялся он. — Ну, было. Что, небо померкло? Солнце не светит? Что теперь? Я и забыл уже.

А она и сама не понимала ничего. Мужчина был Богом. Был. Ни объяснить, ни поделаться ничего нельзя. Невозможно. Не получается. В самом деле, подумаешь, было... Зато сравнил, наверное. Что изменилось?..

На рассвете, вспоминая лица продавщиц магазина тканей, перекатив туда-сюда храпящее тело, она постелила под него отрез черного шелка, собрала вещи и ушла.

СЧАСТЬЕ ЛЮБВИ

76

— Познакомь! Ну, познакомь, что тебе стоит!
Он приставал на каждой встрече. Он был вежлив, скромен, тих. Он не умел развлекать. Он был добр.

Дарья МЕТЕЛИЦА

студентка 4 курса
факультета межкультур-
ных коммуникаций МГЛУ

О себе

Родилась в городе Минске. Еще в начальных классах определила свои интересы и предпочтения.

Уже тогда хотелось овладеть знанием иностранных языков, поэтому решила поступать в МГЛУ на факультет межкультурных коммуникаций с изучением итальянского и английского языков.

Почему я выбрала итальянский язык как первый? Пожалуй, самая главная и веская причина — это влюбленность в Италию. Количество людей, которые изучают итальянский язык, постоянно растет. Главным фактором для этого является, конечно же, потребность в культурном обогащении между людьми разных стран и национальностей. Но немаловажным остается спрос на работу, туризм и т. д. Итальянский язык — это язык богатейшей культуры, язык Данте. Это язык великих деятелей искусства, поэтов, художников, писателей и философов.

Спасибо редакции литературно-художественного журнала «Нёман» за предоставленную возможность почувствовать себя переводчиком. Предлагаю переведенный мною с белорусского рассказ известного поэта и прозаика Виктора Гордея «Старый немецкий дот в грозу».

Виктор ГОРДЕЙ

СТАРЫЙ НЕМЕЦКИЙ ДОТ В ГРОЗУ

Рассказ

Спрятаться от внезапной непогоды в старом немецком доте меня навели на ум близкие раскаты грома и резкий порывистый ветер. Оставшиеся над Щарой еще с той, царской войны, аж ходуном заходили приречные белые березняки. Вверху зашумело, загудело, поодаль стукнуло, грохнуло, а мне от страха подумалось, что это из-за леса налетели русские аэропланы и бросают бомбы на кайзеровские укрепления. Мрачное и приземистое сооружение из камня и железобетона среди густого кустарника я обнаружил как-то раньше, еще весной, когда однажды вылез из рейсового автобуса возле магазина в Подсоколье, а обратно, к мосту через реку, пешком шел Екатерининской дорогой, и здесь, на отшибе деревни Миничи, с левой стороны шоссе в мелколесье неожиданно выглянул серым куском стен странный каменный объект.

Нина РУСАКОВИЧ

«Потерять, чтобы любить всегда...»

Мне иногда кажется, что мы живем в век невероятной усталости поэзии. Слабость и упадок сил поэзии от ее количества. Берешь сборник иного автора и с первой страницы чувствуешь, что ты это все уже читал...

А потом вдруг встречаешь то, от чего нельзя оторваться, и хочется разгадывать и разгадывать это незаемное слово и эту незаемную мысль, восторгаясь поэтическим талантом.

Первое стихотворение Игоря Шкляревского, которое меня зацепило, я прочла в «Литературной газете»:

Ветер холодный дует с реки.
Мы собираем в полях колоски.
Голые ивы. Церковь без крыши.
Ангелы в небо летят со стены.
Плачут голодные птицы и мыши,
в поле далекие горны слышны.
Я колоски, колоски собираю
и на соломе сырой засыпаю,
и высоко над холодной страной
ангел летит с пионерской трубой.

Поэт вернул меня в мое послевоенное пионерское детство, когда жизнь была впереди, коммунизм — впереди и Родина — рядом. Большая и могущественная — СССР!

Постепенно я погрузилась в поэзию земляка более основательно. Читать и перечитывать его стихи — радостно. Даже там, где он говорит о самом болезненном, о самом сокровенном. Возникает какое-то чувство узнавания и родства, словно это неведомый брат твой из глубин прошедших и грядущих поколений встречается тебя.

Читая, я часто восклицала: «Боже! Как я обокрала свою жизнь, обеднила свою душу, не зная его творчества. Да пребудут его стихи всегда со мной!»

Критерии настоящей поэзии, на мой взгляд, — простота и глубина. Парадоксальность, афористичность, запоминаемость и цитируемость. Все это есть в стихах Игоря Шкляревского.

Его стихи по праву можно отнести к «поэзии мысли». Однако образность и способность поэта совмещать далекое с близким и мгновенное с вечным рожают вещи поистине нежные и тонкие.

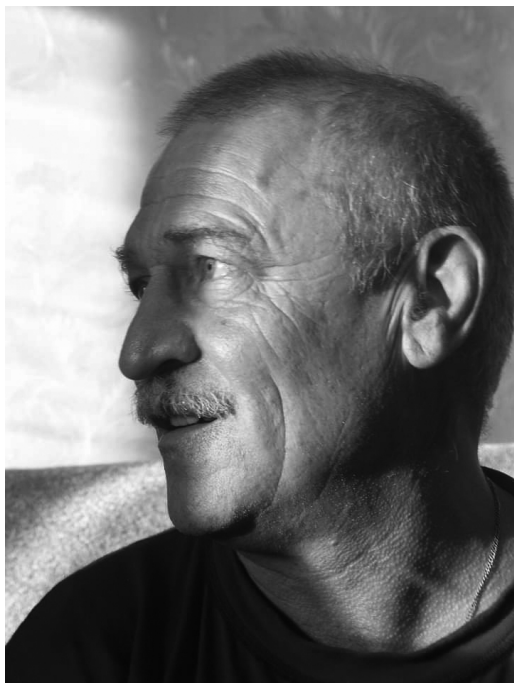
Как ненасытен человек!
Придет любовь, нагрянет слава,
блеснет под солнцем первый снег,
а сердцу жадному все мало.

Татьяна Дашкевич

«У самой двери рая...»

О Николае Шпилове в рубрику «Памяти друга» мне предложила написать главный редактор журнала «Нёман» Наталия Костюченко. И захотелось сказать обо всем и сразу, вместить в размер небольшой статьи биографию, нет — жизнь, фолиант в несколько увесистых томов. Уже много лет хочу написать книгу о муже, вижу ее главы и темы. Например, «Мистика в жизни Шпилова» или «Личные вещи Николая». А вот еще: «Тайна фамилии Шпилов. Семья», «Как он писал свои произведения», «Наши ночлеги и дома», «Его розыгрыши», «Друзья Шпилова и друг Шпилов», «Путь к Богу», «Шпилов — герой!», «Песенные истории», «Прототипы и персонажи», «Легкий и сложный характер»... И это далеко не все. Что может быть важнее и интереснее жизни человека, а тем более — такого? Талантливого, светлого, смелого, великодушного, веселого и мудрого. Умеющего дружить и любить, чувствующего эпоху и людей в ее огранке, способного читать души и помогать им становиться чище, производить впечатление родного многим и быть таковым. Да еще и жизнь его насыщена какими-то невероятными приключениями. Но обо всем не расскажешь. Попробую сделать рисунок хотя бы штрихами. Николай Шпилов — мужчина, которого я любила и люблю до сих пор, хоть и нет его уже семнадцать лет. Поэтому, когда меня спрашивают, кто мой любимый писатель, я ничуть не лукавлю, отвечая: Николай Шпилов. Он — мой любимый. И писатель, и мужчина, и друг.

Был период, когда Микола Шабович писал мне в мессенджере каждую ночь, даже накануне дня своего рождения. Было это зимой 2019—2020 года. Никто еще не знал, что приближается пандемия, которая унесет и его. Поэт делился, что не может остановиться — слушает песни Шпилова и переводит. Слушает и переводит. Он перевел тогда около двадцати шпиловских шедевров, сохранил песенную энергетику, харизму автора, да еще добавил и свою. Это высочайшие образцы художественного перевода песенной поэзии. Как жаль, что два Николая нашли друг друга так поздно. Шпилова уже не было, да и Шабович не знал, что скоро уйдет из этого мира. Уверена, что два поэта подружились бы.

Николай Шпилов. 2006 г.

Михаил МАКАРЕНКО

Погонщик волов

Мои первые сборы

Я пошел «служить» еще в 1937 году, когда мне было примерно четыре года! В деревне Бескатово проходили военные сборы, там находился наш сельсовет. От Бескатово до моей деревни Смолówki расстояние примерно 8—10 километров. Когда отец уже уехал, мне тоже захотелось стоять в строю вместе с ним, ведь я же мужчина! В это время через Смолówку проезжали телеги, в которых ехали на сборы. Мужики были навеселе, играли на гармошках, горлачили песни. Я стал возле них вертеться и просить, чтобы они взяли меня с собой. Когда я сказал, что мой отец на сборах и я хочу к нему, они посадили меня на телегу и повезли с собой. По приезде в Бескатово высадили меня и сказали, что теперь я могу искать отца. Но в это время я увидел огромную лужу, в которой рос высокий аир. Я про все забыл, залез в лужу и стал рвать аир. Одет я был в одну майку с пуговкой между ног. Я нарвал много аира, весь вымазался в грязи и в это время увидел отца, который проходил с сослуживцами мимо. Я показался ему похожим на сына... Он остановился и спросил:

— Это ты, Миша?

Я ответил:

— Да! — и продолжил рвать аир.

В общем, забрал он меня. Довелось ему со мной повозиться. А аир пришлось выбросить. Большая получилась досада...

Друг Полкан

Когда мне исполнилось шесть лет, моего отца пригласили работать начальником смены пожарной охраны в поселке Новка. Это был большой поселок по тем временам: порядка 700 дворов с главным предприятием — стеклозаводом, который выпускал бутылки и стекла для настольных ламп. Недалеко от Новки находились огромные запасы кварцевого песка — сырья для производства

стекла. Родители решили строить там дом. Пока строились, поселились на хуторе в 2—3 километрах от поселка. Пришло время мне идти в первый класс. Дорога в школу пролежала по лесу и вела мимо кладбища, и я боялся ходить один, особенно вечером. Меня провожали и встречали отец или мать. Однажды отец возвращался с работы, и вдруг вышла из леса огромная собака с повязанной на шее красной лентой и остановилась перед ним. Из кустов появился лесник с ружьем, знакомый отца. Разговорились. Лесник поведал отцу, что в округе иногда бродят волки, что красная лента их отпугивает, хотя пес по имени Полкан запросто разделяется с волком. Это, наверное, была помесь сенбернара и овчарки. Отцу пес очень понравился, и лесник предложил ему купить Полкана, так как у него дома еще есть его подруга.

С тех пор не нужно было меня провожать и встречать. В школу и домой меня сопровождал Полкан. Во время уроков Полкан находился во дворе. Радости моей не было предела, я высоко держал голову, проходя по поселку перед ребятами. Однажды завел я Полкана в класс, девочки подняли страшный крик, прибежала учительница и выгнала нас с другом на улицу. Больше я своего пса в класс не приводил.

К зиме отец смастерил для Полкана упряжь, и мы катались: Полкан с горы ехал на санках в обнимку со мной, а потом тащил санки в гору. Летом я ходил с ним купаться на озеро и однажды закричал, как будто я тону, он бросился в воду, уцепился зубами в руку и потащил меня к берегу. Недаром так много говорят о собачьей преданности. Потом долго болела рука от его зубов. На озеро приходили и другие ребята с собаками, но мой Полкан был самый крупный. Его кормили два раза в сутки, и съедал он примерно полведра. Весил — не менее 80 кг, был удивительно покорный и любил конфеты.

Это был самый надежный мой друг, родители отпускали меня с ним куда угодно, а ребята боялись со мной ссориться: Полкан всегда был начеку. Когда я с ним шел в школу, вешал ему на шею портфель, и Полкан свободно его носил.

Рыбная ловля под надзором

Началась война. Мне в ту пору было десять лет, я закончил три класса. Однажды утром мы слышали стрельбу. Все в поселке высыпали на улицу и увидели, как на малой высоте летит наш военный самолет, а с двух сторон — немецкие самолеты, летят и стреляют. Наш — загорелся и упал возле Кукушкиной горы. Все бросились туда, мальчишки оказались первыми, затем прискакали на лошадях наши военные и взрослые. Самолет горел, недалеко были летчики, двое, они сказали, что еще вернутся, и быстро ушли в сторону леса. Самолет потом долго горел, разрывались патроны. Спустя пару дней упал еще один наш двухмоторный самолет, подбитый немцами. Но он смог совершить посадку на ржаное поле. Его окружили наши солдаты с винтовками наперевес, из самолета выбрались гражданские люди — мужчины и женщины.

В Новке в это время было очень много солдат. Они рыли траншеи и окопы на окраине, а затем все ушли. После ухода наших солдат ночью пролетел самолет и сбросил несколько больших бомб. Чей это самолет, мы не знали, но после в глубоких воронках большого диаметра стояла вода, она нагревалась солнцем, и мы бегали туда купаться.

Наши войска отступили, пришли немцы. Это были фронтовики. Вначале они не трогали мирных жителей. По-прежнему

мы гоняли коров в поле и продолжали по очереди их пасти, но немцев побаивались. Однажды я, как обычно, взял удочку и пошел на речку.

Рыба ловилась хорошо, хотя удочка была изготовлена из ореховой палки: вместо лески — нитка, вместо поплавка — пробка, вместо сигнального маячка — отрезок пера, грузило — свинец из выплавленной пули... В это же время я услышал позади голоса, оглянулся и увидел, что ко мне идут немецкие солдаты во главе с офицером, человек пять. Офицер приказал идти тихо, чтобы не пугать рыбу. Они уселись недалеко от меня. Я продолжал ловить рыбу и нанизывать ее на пруты. Немцы все сидели и с интересом наблюдали за мной. Когда я заполнил вторую вязанку рыбой, офицер подошел к воде, взял обе вязанки и отдал солдату. Затем что-то сказал, и один из солдат снял пилотку, в которую начали бросать у кого что было. Ко мне подошел солдат и высыпал в мою рубаху шоколад, конфеты и маленькую губную гармошку. Они ушли, а я схватил удочку и побежал домой. Потом я долго наигрывал на этой губной гармошке.

Мечь. За одного — десять

Когда ушли передовые части немцев, некоторое время было спокойно. Но в конце лета приехали на грузовой машине три человека: двое немцев и переводчик. Не знаю, зачем они приезжали, но когда они возвращались назад в Витебск, их обстреляли, убили всех троих. На следующий день прибыло много немцев на машинах и танкетках, окружили поселок и стали сгонять всех мужчин на территорию стеклозавода в Новке. Народу было много. Когда в начале войны объявили мобилизацию, все мужчины отправились в Витебск, но город полыхал пожарами, а все из военкомата уже уехали. Люди вернулись обратно и решили самостоятельно двигаться на Невель. Впереди оказался немецкий десант, и мужчины пришли домой.

Немцы требовали, чтобы выдали тех, кто обстрелял машину, но никто ничего не знал. Тогда они построили всех в шеренгу и стали выводить каждого десятого и выстраивать возле заводской стены. Набрали тридцать человек и расстреляли. За каждого убитого немца — десять убитых заложников. Состоялись массовые похороны, а у людей появился страх — они не были уверены, что это не повторится. И люди начали разъезжаться по другим, более спокойным деревням.

Неспокойная жизнь

Мы по-прежнему гоняли коров в поле. Стадо было огромное, более сотни голов, столько же и нас, ведь каждый вел свою корову. Пасли по очереди, нами руководил старший, восемнадцатилетний парень. Он числился пастухом по найму и дисциплину держал отменно. Обычно он назначал пять-шесть человек и по своим большим карманным часам фирмы «Павел Буре» отслеживал время. Его авторитет был непререкаем. Остальные, кто не находился в наряде, играли в лапту, гоняли в футбол, разбившись на несколько команд, купались — одним словом, каждый делал что хотел. Крик стоял невообразимый, слышно было за несколько километров. Когда утром мы выгоняли коров, а вечером возвращались в поселок, с нами всегда проходили мужчины из бывшего руководства завода. Они до вечера куда-то исчезали днем, когда мы пасли стадо. Мы к этому привыкли и считали нормальным явлением.

Микола ТРУС

Толстовские заветы и белорусское подвижничество времен Первой мировой войны

В исследовательской деятельности многие темы отмечаются закладками в памяти и оставляются на потом, в ожидании подходящего момента, должного накопления фактического материала. Поводом вновь обратиться к сведениям, собранным в этом тексте, стало 195-летие со дня рождения Льва Толстого (1828—1910). А своего рода триггером послужила недавно изданная книга «Архіўныя матэрыялы да жыцця і творчасці Максіма Багдановіча. Сшытак 5»¹, основу которой составили письма белорусского общественно-культурного деятеля Зоськи Верас (1892—1991), соратника «поэта чистой красоты», автора мемуарных записей о минском периоде его жизни. Максим Богданович знал ее исключительно под настоящим именем — Людвика Сивицкая, псевдоним был избран несколькими годами позже знакомства с поэтом.

Казалось бы, совсем не равные, если можно так сказать, по своему историческому статусу персоны. Но изучение собранного материала позволяет говорить о точках непосредственного соприкосновения в биографиях и судьбах деятелей русской и белорусской культур, отмеченных в истории нашей земли, еще надлежащим образом не систематизированных и не предложенных для публичной репрезентации.

Одной из сфер деятельности национальной интеллигенции в Минске периода Первой мировой войны была организация столовых, мастерских, детских приютов для беженцев. Предметом самостоятельного многоаспектного исследования эта тема практически никогда не становилась. Причиной тому, по нашему мнению, могли послужить разные факторы: 1) многолетнее рассмотрение Первой мировой как войны сугубо империалистической, несправедливой, а потому не заслуживающей особого внимания; 2) табуированность многих имен и фактов, связанных с российской эмиграцией первой волны, не принявшей Октябрьскую революцию; 3) незаслуженное игнорирование подвижничества белорусской интеллигенции времен Первой мировой, связанного с реальной, материально выраженной заботой о своих земляках, попавших в беду.

Из-за личного соприкосновения с названной темой Максима Богдановича и Ядвигина Ш. (наст. Антон Левицкий) она получила лишь фрагментарное, своего рода «литературное» освещение. Второй из названных предоставил под нужды детского приюта собственную усадьбу в деревне Карпиловка (современный Логойский район Минской области); первый — принял личное посильное участие в судьбе беженцев, написал статью «Обзор деятельности за первый год Минского отдела Белорусского общества помощи потерпевшим от войны» (1916).

В письмах, представленных в «Архіўных матэрыялах...», Зоська Верас отмечает: приют в Ратомке инспектировала сестра Льва Толстого. Позже выяснилось, что это была дочь писателя — графиня Александра Толстая. Такое

¹ Архіўныя матэрыялы да жыцця і творчасці Максіма Багдановіча. Сшытак 5. — Мінск, 2022.

фрагментарное, неточное упоминание представителя семьи классика русской литературы сохранилось и в мемуарных записях «Пяць месяцаў у Менску (з жыцця Максіма Багдановіча)»¹, хоть их автор ранее уяснила свою ошибку и собиралась ее исправить.

Создание и функционирование белорусских детских приютов в Карпиловке и Ратомке (современный Минский район) было невозможно без одобрения соответствующих контрольных органов государства (Российской империи), а таковыми были Всероссийский земский союз (ВЗС)² и ряд других институций, общественных объединений периода Первой мировой войны, имевших масштабное финансирование и обширные полномочия. На одном из оригинальных снимков Людвиги Сивицкой, хранящемся в фондах Литературного музея Максима Богдановича (ЛММБ) и, по всей вероятности, сделанного для официального документа, стоит печать ВЗС.

Людвика Сивицкая. Портрет с печатью Всероссийского земского союза. 1916 (?) г. (ЛММБ).

В начале Первой мировой войны волна патриотических настроений, охватившая российскую общественность, затронула и ярославскую семью Богдановичей. Максим Богданович посвятил ряд статей актуализированному славянскому вопросу (изданы отдельными брошюрами в серии «Библиотека войны»), а его младший брат Лев, студент физико-математического факультета Московского университета, забросил занятия и поступил в Александровское военное училище. В июне 1917 года прапорщик Лев Богданович был тяжело ранен в своем первом бою на фронте, а летом 1918-го убит в киевском госпитале во время очередной смены власти в городе. В настоящее время некоторые документы Льва Богдановича, а также предметы его воинской амуниции хранятся в фондах Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства. В советское время тема младшего брата поэта, белогвардейского офицера, умалчивалась.

Общественный долг

Имя Александры Львовны Толстой (1884—1979) принадлежит к числу возвращенных в российскую историю. В конце 1980-х — начале 1990-х годов этот процесс проходил на гребне некоторой эйфории, повышенной эмоциональной составляющей в печати. Непростая судьба младшей дочери писателя, как правило, отсчитывалась от обстоятельств ее появления на свет: «*Перед рождением своей любимой, третьей дочери Саши, в 1884 году, Лев Николаевич Толстой*

¹ Верас, З. Пяць месяцаў у Менску (з жыцця Максіма Багдановіча) // Выбраныя творы. — Мінск : Беларуская навука, 2015. — С. 113—120.

² Полное название — Всероссийский земский союз помощи больным и раненым. Общественно-политическая организация, возникшая в августе 1914 года, во главе с князем Георгием Львовым. Со временем сфера деятельности ВЗС существенно расширилась, затронув и помощь беженцам. См. книгу «Краткий обзор деятельности Всероссийского союза на Западном фронте, 1915—1917» (Москва, 1918).

решился уйти из дома и начать новую, чистую жизнь, но вернулся с тульского тракта. В ночь на 28 октября 1910 года Александра Львовна собрала отца в последнюю, смертную дорогу и затем оставалась с ним до самого конца в памятьном для всех Астапове»; она «была и помощником-стенографисткой, и другом, и единомышленником своего великого отца. Отношения их не назовешь идиллическими: не только внешностью, но и характером она пошла в своего родителя. Но именно ей завещал он распоряжаться средствами от своих произведений, добавив: «Тяжело только тебе будет», на что она просто ответила: «Что же делать? Я смотрю на это, как на свой долг». Долг этот был прежде всего духовной обязанностью перед памятью об отце. И дочь его выполнила сполна»³.

В 1901—1910 годах Александра Львовна была личным секретарем писателя. После кончины отца приняла деятельное участие в трехтомном издании «Посмертных художественных произведений Л. Н. Толстого» (Москва, 1911), организации в 1918 году «Кооперативного товарищества изучения и распространения произведений Л. Н. Толстого». При новой большевистской власти — полномочный комиссар Яснополянского дома-музея, затем директор музея и опытно-показательной станции «Ясная Поляна».

В 1929 году Александра Толстая уехала с лекциями о творчестве своего отца в Японию. В 1931-м переехала на постоянное место жительства в США. Вместе с Сергеем Рахманиновым основала Комитет помощи всем русским, нуждающимся в ней, — «Толстовский фонд» (1939), филиалы которого были открыты в Западной Европе. В 1953-м ею основан Русский дом в Каннах, в 1967 году — в Руане.

Первая авторская книга Александры Толстой «Об уходе и смерти Л. Н. Толстого» издана в Туле в 1928 году (серия «Труды музея-усадьбы “Ясная Поляна”»). На страницах журнала «Современные записки» (Париж) в 1931—1933 годах увидели свет ее мемуарные очерки «Из воспоминаний». Самые значительные писательские работы наследницы классика русской литературы — книги воспоминаний «Отец» (Нью-Йорк, 1953), «Дочь» (Лондон—Онтарио—Канада, 1979). Во втором из названных изданий «А. Л. Толстая в полной мере проявила свою яркую художественную индивидуальность»; «она рассказала о том, как складывалась ее жизнь после смерти отца, о своей службе в санитарном отряде на западном и турецком фронтах в Первую мировую войну, о трудах и мытарствах в послереволюционное время, встречах с Луначарским, Менжинским, Калинин, Сталиным, о путешествии по Японии и “первых шагах в Америке”»⁴.

В настоящее время Александра Толстая предстает в российской истории как литератор, мемуарист, публицист, общественный деятель, меценат.

В отблесках пожаров

В кратком изложении справочных источников деятельность графини Александры Толстой во время Первой мировой войны представлена следующим образом: окончила курсы сестер милосердия, воевала на Турецком и Северо-Западном фронтах, организовывала школы-столовые для детей беженцев, летучие санитарные отряды. Удостоена звания полковника, награждена тремя Георгиевскими медалями.

³ Михайлов, О. Дочь [вступительная статья] // Толстая, А. Л. Проблемы во тьме. — Москва: Патриот, 1991. — С. 5.

⁴ Толстая, А. Младшая дочь; подготовка текста, вступительная статья и примечания С. А. Розановой // Новый мир. — 1988. — № 11. — С. 189.

Владимир Мартынов

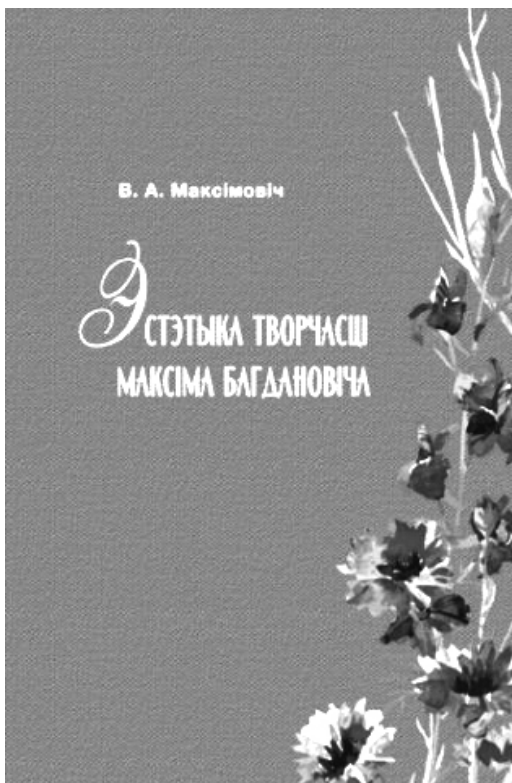
В поиске эстетических координат

В издательском доме «Звезда» вышла монография «Эстэтыка творчасці Максіма Багдановіча». Это итог многолетней работы известного исследователя литературы, критика, культуролога, руководителя отдела философии литературы и эстетики Института философии Национальной академии наук Беларуси Валерия Максимовича.

Сфера научных интересов Валерия Александровича связана с исследованием вопросов истории и теории культуры, творчества классиков белорусской литературы; укреплением мировоззренческих и духовно-нравственных основ современного общества с помощью национальной художественной традиции. Ученый сосредотачивает свое внимание на национальной традиции как основополагающей составляющей формирования духовно-нравственных, мировоззренческих убеждений личности, напрямую влияющих на ее идентификационный статус.

Классическая литература начала XX века, как известно, занимает значительное место в программах по белорусской литературе общеобразовательной школы, выступает важным средством формирования мировоззрения, гражданских убеждений учащихся. Она содержит в себе многомерную систему ценностей, определяющих поступки, деятельность, отношение человека к природе, обществу, другим людьми, формирующих модели поведения, выбора, оценки и т. д. Жаль, что в последнее время происходит довольно ощутимое отрицание, игнорирование классики, итогом чего становится постепенно усиливающаяся дегуманизация литературы и искусства вообще. Место ценностей пытается занять философия деконструкции, которая десакрализует и человека, и литературу, и мир в целом, лишая их ценностной опоры.

В этой связи монография Валерия Максимовича имеет чрезвычайную востребованность и актуальность, научную и образовательно-воспитательную значимость. Как свидетельствует аннотация, в книге рассмотрены теоретико-методологические, философско-эстетические проблемы в контексте творчества Максима Богдановича. Основное внимание обращено на рассмотрение

многомерность эстетических изысканий писателя. Не лишенным основания выглядит и мнение исследователя, что на примере творчества Максима Богдановича можно реконструировать своеобразную модель становления национальной культуры, проследить алгоритм изменений в социокультурной системе ценностей в процессе культуротворчества, осуществляемого в направлении реализации национальных целей и задач, тактики и стратегии развития разнообразных форм национальной культуры.

По убеждению исследователя, Максим Богданович ставил задачу создания литературного канона как первообраза, эталона национального стиля, призванного закрепить определенные духовные константы национальной жизни, художественные образцы, благодаря которым открывалась возможность выявлять глубинные основы национального мировоззрения и миропостижения. Канон в представлении Богдановича, о чем свидетельствует его художественная практика, выступал в качестве действенного средства, которое по-особому рекультивирует и аккумулирует художественную традицию, формально-содержательную стереотипную канву культуры, выявляет и фиксирует универсальные и специфические социокультурные реалии.

В третьем разделе «Тэарэтыка-метадалагічныя і эстэтычныя аспекты творчасці Максіма Багдановіча» речь идет об особенностях Богдановича как критика и исследователя литературы, эволюция мировоззрения которого — в преодолении постулатов культурно-исторической школы, и дальнейшем успешном освоении методологии эстетического литературоведения. Довольно уместными и в чем-то интригующими кажутся размышления исследователя по поводу критической прозы Максима Богдановича как специфической модели художественного и психологического автопортрета.

Монография получилась основательной, содержательной, интересной. Это междисциплинарное исследование с доминантой философско-культурологического дискурса. Задействование довольно значительного научного и художественного материала с учетом философско-эстетических, культурологических и литературоведческих подходов позволило Валерию Максимовичу построить целостное представление об эстетических доминантах творчества Максима Богдановича, выделить основополагающие характеристики национальной художественной традиции и литературного классического текста, очертить роль межкультурного диалога в функционировании национальной культуры. Положения и выводы работы лишний раз убеждают в том, что художественное наследие Максима Богдановича открывает новые перспективы для более широкого задействования ее огромного художественно-эстетического потенциала в развитии межкультурных связей, коммуникаций, обменов, обеспечивающих и поддерживающих многомерное смысловое культурное пространство. Безусловно, книга вызовет большой интерес у специалистов-богдановичеведов, теоретиков и историков культуры, а также обогатит знания школьников и студентов о классике белорусской литературы, пробудит интерес к его творчеству.

Кирилл Ладутько

Неистощимая криница светлости: что писал литературовед Андрей Турков о белорусских классиках?

В стопках книг в букинистическом отделе одного из минских книжных отыскал сборник литературно-критических, публицистических статей, очерков, рецензий Андрея Михайловича Туркова «Открытое время: Портреты. Проблемы. Полемика» (Москва, «Советский писатель», 1975)...

Андрей Михайлович Турков (1924—2016) — легендарная личность в советском литературоведении. Участник Великой Отечественной войны, красноармейцем дорожно-строительного батальона прошедший и дорогами Беларуси. В 1950 году он окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Работал в журналах «Огонек», «Молодая гвардия», «Юность», издательстве «Советский писатель», преподавал в Литературном институте. Был членом редакционной коллегии журнала «Вопросы литературы». Печатался с 1948 года. Автор более 1300 статей, рецензий, заметок в периодической печати. Из-под пера Андрея Михайловича вышло 27 книг. Вот имена-названия некоторых из них, вышедших в серии «Жизнь замечательных людей» и не только: «Владимир Луговской», «Александр Твардовский», «Николай Тихонов», «Салтыков-Щедрин», «Николай Заболоцкий», «Александр Блок».

Листаю страницы «Открытого времени...», сборника, в котором автор осмысляет единство писателя и эпохи, подчеркивает сопричастность литераторов и их произведений жизни общества. Тексты, вошедшие в книгу, посвящены русским писателям: Александру Твардовскому, Михаилу Исаковскому, Ярославу Смелякову, Федору Абрамову, Владимиру Тендрякову, Даниилу Гранину, Василию Белову, Давиду Самойлову, Ефиму Дорошу... Много внимания критик уделяет и многонациональной советской литературе, анализирует произведения Петруся Бровки, Аркадия Кулешова, Юхана Смуула, Давида Кугультинова...

«Криница поэзии» — статья о творчестве народного поэта Беларуси Петруся Бровки. «Я нисколько не хочу преуменьшать важности всей многообразной общественной и литературной деятельности Петруся Бровки, — начинает литературовед свой разговор о нашем классике, — но думается, что главной из заслуг, принесших ему почетнейшее звание Героя Социалистического Труда, была его поэзия, его лирика. Множество читателей могли бы сказать о ней словами самого поэта: «Криница у родной деревни, неистощима и светла, / Ты для меня и добрым другом, и первым зеркалом была» («Криница у родной деревни». Перевод Я. Хелемского). Она стремилась к этому идеалу с первых шагов поэта-селькора с наивно-откровенным псевдонимом Красный Карандаш. Бровка сказал об

одном из рано ушедших собратьев: «Помним, как песня кирпич подносила и по лесам поднималась все выше». И его собственная поэзия тоже все выше поднималась по строительным лесам, стараясь помочь соотечественникам и в то же время подмечая, схватывая все новые и новые черты их мужающих лиц...»

Андрей Турков проникновенно заглядывает в тайны лирики большого поэта, цитирует его лучшие строки в переводах на русский язык Александра Прокофьева, Валентина Корчагина, Якова Хелемского, Николая Рыленкова.

Поэзия Петруся Бровки — это эпоха в белорусской литературе, эпоха в белорусской лирике.

На лугах, в сочных травах густых
Мы собрали цветов золотых.
А потом
Возвратились в свой дом,
На окне их поставили в ряд.
Пусть они огоньками горят,
Чтобы издали были видны
Всем, идущим дорогой войны...

(Перевод Н. Рыленкова)

Эти строки — из поэмы Петруся Бровки «Ясный кут». Андрей Турков подчеркивает постоянный поиск поэтом ярких красок, живой жизни, тех отметок, которые как «солнечные зайчики», как «спасительные глотки» из «неистожимой и светлой» криницы народного быта, народной жизни.

Как мельничное колесо я:

То миг — на солнце,
То — в воде.

(Перевод Я. Хелемского)

О Петрусе Бровке, его лирике Андрей Турков пишет с безграничной любовью, которая, верю, сохранилась у читателей поэзии нашего великого соотечественника и сегодня, сохранится и в будущих временах.

«Шлях Аркадия Кулешова» — статья, которая начинается личностным воспоминанием Андрея Туркова: «Открываю стихи Аркадия Кулешова, а в памяти, как некая заставка к ним, встает наш эшелон, идущий по белорусской земле поздней осенью сорок четвертого года.

Она уже почти полгода как свободна, но так изранена! Поезд идет мимо сожженных станций, но, может быть, еще тягостнее то, что почти на всем остальном пути железнодорожная колея находится в мертвом пространстве начисто вырубленных лесов. Вырубленных оккупантами, смертельно боявшимися знаменитых местных партизан, всей этой республики — партизанки в тылу врага.

Мы не видели, не застали самого страшного. Мы знаем это по газетам, а потом прочтем в стихах Кулешова:

Замер, жалуюсь звездам,
Колодезный журавель.